

УДК 130.2

ПАРИЖ И МОСКВА КАК ПРОСТРАНСТВА НОСТАЛЬГИИ В ПОЗДНИХ РОМАНАХ А.И. КУПРИНА

Д.О. Пацких

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет Высшая школа
экономики», г. Москва

DOI: 10.26456/vtphilos/2020.3.233

В статье рассматривается время в произведениях А.И. Куприна через понятие ностальгии. Возможность обратиться к ностальгии в разговоре о времени объясняется изменением этого понятия в эпоху модерна. Ностальгия становится не только тоской по покинутому пространству, но и воспоминанием ушедшего времени. С ее помощью разбираются сюжеты произведений «Юнкера» и «Жанета», которые на первый взгляд кажутся совершенно разными, но имеют ностальгический характер, несут в себе тоску по прошлому. С помощью теоретической концепции, предложенной исследовательницей Светланой Бойм, анализируются особенности ностальгии в романе и повести, в контексте описываемых городов, что дает возможность по-новому посмотреть на известные произведения Куприна и обратить внимание на то, как автор работает с категорией времени.

Ключевые слова: *Куприн, модерн, время, ностальгия.*

Настоящая статья подготовлена к конференции «“Время, вперед!” Время философии и философия времени» и представляет собой размышление о времени через феномен ностальгии. Помимо главной темы, вынесенной в название конференции, рабочий материал предлагалось ограничить, во-первых, периодом, это конец XIX – начало XX в., а во-вторых, пространством, это опыт России. В обозначенном пространственно-временном контексте интересно посмотреть на деятельность писателя Куприна, как автора, чьи творческие годы попадают в выбранный период, а время становится героем его ретроспективных произведений.

Обратим внимание на два последних произведения писателя – роман «Юнкера» (1928–1932) и повесть «Жанета» (1933). Можно сказать, что состояние двух сочинений – это поиск утраченного времени, но описанный по-разному. Время, утраченное в «Юнкерах», обретается с помощью полного воссоздания образа прошлого, это автобиография юности писателя. В «Жанете» дело обстоит иначе: автор описывает жизнь постаревшего профессора в эмиграции и обретение времени через взаимодействие с другими персонажами – ребенком и животным, которые, по мнению профессора, есть олицетворение жизни.

«Юнкера» живой и восторженный роман, повествующий о двух-летней службе юнкера Александрова в 3-м Александровском училище в

Москве. В романе каждая глава имеет свое название, посвященное традиции, персонажу, месту или случаю из жизни Александрова. Развитие действия из главы в главу определяется временным периодом: история, начавшись в первых двух главах с описания кадетского корпуса, который покидает Александров, заканчивается выпуском из Александровского училища.

В «Юнкерах» Куприн воссоздает образ той Москвы, которой уже не существует в момент написания романа. Местами появляется повзрослевший герой, который чувствует себя немного по-другому, нежели в юношескую бытность. Это краткие вкрапления ретроспективного взгляда. Именно данный восстановленный образ города, его Александровского училища и жизни в нем предстает как время обретенное, как по отношению к писателю, так и по отношению к герою. Всё произведение – это вариант юношеской литературы с романтической поэтикой. Куприн так говорил о романе: «Я хотел бы, чтобы прошлое, которое ушло навсегда, наши училища, наши юнкера, наша жизнь, обычаи, традиции остались хотя бы на бумаге и не исчезли не только из мира, но даже из памяти людей. “Юнкера” – это мое завещание молодежи» [4, с. 318].

Что касается «Жанеты», то это произведение другого формата. Это повесть, в которой рассказывается о событиях из жизни российского профессора Симонова, находящегося в эмиграции в Париже. Повествование строится так, что читатель воспринимает его как зарисовку нескольких дней из жизни профессора, но в конце узнает, что прошло два года. Все те же два года, которые расписаны в «Юнкерах» с разнообразными занятиями, в «Жанете» воспринимаются как нескольких дней. В центре сюжета знакомство профессора с маленькой девочкой, которая, так же как и он, замерла на дороге и увлеченно рассматривает паутину: оба не замечают, как взялись за руки. Профессор не сокрушается над былыми временами, а пребывает в состоянии одиночества, получая удовольствие от избранной компании – девочки и кота, а иногда и от прогулок с художником, таким же эмигрантом. Центральный монолог, в котором рассуждают две ипостаси Симонова – профессор и обыватель, повествует о прошлой жизни и небольшой тоске по двум юным дочерям, которые остались с женой после развода. Именно этой тоской профессор оправдывает воодушевление от знакомства с Жанетой. В девочке он видит возможную преемницу его знаний, восхищается ее дружелюбием и открытым умом. В дружбе с девочкой и котом профессор как будто обретает время.

Период, ограниченный в конференции, попадает на эпоху модерна, для которой характерно выдвигание времени на первый план. Бруно Латур говорит, что слово «модерн» означает ускорение, перелом, революцию времени [7]. Алейда Ассман, исследовавшая время в эпоху модерна, пишет о времени «как потоке, текущем сквозь жизнь, о субъективном ощущении ускоряющегося или замедляющегося потока, из ко-

торого в особые моменты можно выскочить, но можно и собрать фрагменты прошлого, унесенные этим потоком, чтобы восстановить в памяти образы прошлого» [1, с. 57].

На эту мысль о времени хочется опереться при анализе работ Куприна. В ней можно увидеть как будто атмосферные характеристики произведений – ощущение времени, то ускоряющегося, то замедляющегося в «Жанете», или восстановление образов прошлого в «Юнкерах».

Ощущение времени как потока, отделяющего от прошлого, и вплетенная в этот процесс возможность остановиться и собрать фрагменты прошлого позволяют вспомнить о понятии ностальгии, которое под влиянием концепций модерна получило некоторое изменение. Слово «ностальгия» происходит от др.-греческого νόστος – возвращение в родные земли и ἄλγος – тоска, страдание. Историки, рассматривающие в своих работах ностальгию, отмечают, что ностальгия в XX в., расширяясь с однозначной тоски по родине, включает тоску по времени. Ностальгирующий теперь не только тоскует по родной земле, но и по времени, проведенном в этих местах. Историк Д. Лоуэнталь в своей программной работе «Прошлое – чужая страна» говорит о том, что ностальгия смещается к тоске по прошлому: «Сегодня ностальгия — излюбленный повод оглянуться назад. Она заполняет популярную прессу, служит приманкой в рекламе, украшает социологические исследования» [6, с. 35]. Ностальгия становится реакцией на утраченное прошлое, которое, по мнению Лоуэнталя, связывается с детством: «Прошлое кажется ярким не потому, что вещи действительно были тогда лучше, а потому, что мы сами были тогда молоды и жили насыщенной жизнью. Мир взрослых несет в себе частичку детства» [6, с. 40]. Так и у Куприна есть мотив, связанный с детством. В «Юнкерах» это связь с детством самого писателя, это «восстановленный образ прошлого», в «Жанете» связь представляется метафорой, стремлением общаться с ребенком. И в романе, и в повести есть желание вернуться назад, но оно прописано не явно, а контекстуально, через переживание времени. Так и Лоуэнталь, подводя свои рассуждения о ностальгии, заключает, что «ностальгия чаще касается мыслей о прошлом, чем прошлого самого по себе» [6, с. 41].

Предположение, что эти произведения Куприна носят ностальгический характер, основывается на том, что, во-первых, есть некое общее место, что писатели первой волны эмиграции в Париж писали в ностальгическом ключе, а некоторые считали, что с ними Россию покинуло все российское искусство (например, мнение Зинаиды Гиппиус). Во-вторых, в произведениях читатель улавливает особую атмосферу, связанную с переживанием времени, которую можно соотнести с тезисами Лоуэнталя о ностальгии. Но несмотря на то, что в обоих произведениях есть это присутствие времени, сюжетно оно преподносится совершенно по-разному.

Интересную формулу для того, чтобы разобраться в ностальгии, предлагает американская исследовательница, эмигрировавшая в вось-

мидесятые годы из СССР, Светлана Бойм. Бойм, так же как и Лоуэнталь, разрабатывает ностальгию в контексте времени и пространстве модерна. Только в отличие от Лоуэнталья, чья работа посвящена изучению прошлого, она полностью концентрируется на понятии ностальгии. Свои мысли Бойм оформила в статье «Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: Случай Ильи Кабакова» [3] и развила в книге «Будущее ностальгии» [2] (русский перевод сделан издательством «Новое литературное обозрение», 2019 г.).

Процитирую два высказывания из книги: «На первый взгляд ностальгия – это тоска по определенному месту, но на самом деле это тоска по другим временам – по времени нашего детства, по медленным ритмам наших мечтаний» [2, с. 24]. «Ностальгия, подобно прогрессу, базируется на модернистской концепции, утверждающей неповторимость и необратимость времени» [2, с. 52]. Эти высказывания весьма соотносятся с разработками упомянутых выше ученых, рассуждающих о прошлом времени и тоске по прошлому. Человек эпохи модерна тоскует уже не по потерянной родине, а по времени, проведенном в ней, которого уже не вернешь.

По мнению Бойм, «сама по себе потребность в ностальгии исторична. В определенные переходные периоды истории она может быть защитной реакцией, поиском стабильности, которой нет в настоящем. С другой стороны, ностальгия в сочетании с рефлексией помогает расширить горизонт ожидаемого, вспомнить о другом времени, о потенциях, не реализованных в настоящем» [2, с. 60].

Несмотря на смещение ностальгии в сторону времени, категория пространства все же не уходит из понятия. Бойм пишет, что ностальгия теперь «становится проекцией времени на пространство» [2, с. 25].

Еще одна очень интересная для нас мысль в том, что, по мнению Бойм, за счет ностальгии происходит «превращение исторического времени в мифологическое пространство» [2, с. 27]. Время, зафиксированное на какой-то местности, дает образ, создающий своеобразную мифологию пространства. Это интересная идея потому, что как раз позволяет нам говорить о ностальгическом ключе повествования в отношении городов, о которых идет речь в произведениях. Города, в этих двух работах Куприна, предстают как держатели времени и опыта жизни. Именно поэтому мы обращаем внимание на города как пространства ностальгии. Воссозданный образ утраченной Москвы или Париж, в котором прогуливается профессор-эмигрант на пенсии.

Изучая ностальгию времени модерна, Бойм пишет, что в отличие от ностальгии XVIII или XIX в., когда врачи предлагали различные варианты лечения от недуга, ностальгия XX в. объявлена душевной болезнью, не поддающейся лечению. Как пишет исследовательница, единственное, что можно предложить, это анализ ностальгии и понимание, что ностальгия может быть нескольких типов. По мнению Бойм, это

осознание позволяет лучше переносить приступы душевной тоски. Исследовательница предлагает два типа ностальгии – реставрирующую и рефлексирующую. «Реставрирующая ностальгия делает акцент на *positos* и предлагает восстановить утраченный дом и заполнить пробелы в памяти. Рефлексирующая ностальгия обитает в сфере *algos*, в тоске и потере, в несовершенном процессе припоминания» [2, с. 104].

Как предложила Бойм, если мы понимаем, как функционируют формы ностальгии, мы лучше понимаем наше состояние. Так и с произведениями Куприна: если мы можем подойти с теоретическим ключом к произведению, мы сможем увидеть его новые грани.

Возвращаясь к произведениям Куприна, заметим, что именно художественные образы городов содержат нюансы, которые могут отсылать к первому или второму типу ностальгии – реставрированное пространство Москвы и вымеренный шагами Париж, содержащий мелкие события, констатирующие жизнь, так что ностальгия здесь – рефлексия времени.

Москва в романе «Юнкера» описывается в положении того города, которым она была в период учебы юнкера Александрова. В произведении практически нет сравнения старой Москвы с Москвой изменившейся. Есть только формы глагола, сопоставляющие Москву и то время, например: «Москва умела гулять», «Тогда вся Москва плясала круглый год и каждый день» [4, с. 228].

Интересно отметить «типичные» черты в создаваемом образе Москвы. Черты, которые исследователи отмечают как элемент «городской мифологии». Возможно, отсылающие к тому мифологическому пространству, о котором писала Бойм. Одна из основных подобных черт – это сравнение Москвы и Санкт-Петербурга, зачастую в пользу первой: «Истинная, столбовая русская аристократия не в Петербурге, голубчик, а в Москве, у нас. В Питере – все выскочки. А Москва? “Что за тузы в Москве живут и умирают!”» [4, с. 155]. Улиц Москвы, формирующих представление о городе в произведении в умеренном количестве. Куприн не вдаётся в пространные описания местности, а лишь обозначает географию города в связи с событиями из жизни юнкера. Так, например, глава «Чистые пруды» рассказывает не о прудах, а о катке на прудах, точнее, даже о событиях на этом катке. Еще Куприн уделяет внимание нравам города, хотя все также, в умеренном количестве, чтобы добавить картинности к описанию Александровского училища – главного городского героя повествования: «Александровское училище, самое прекрасное и любимое в Москве» [4, с. 203]. Это центральный объект городского образа. Поэтому и пространство города практически всегда соотносено с ним. В романе читателю дан запечатленный идеальный образ, восстановленное воспоминание автора, что весьма соотносится с реставрирующим типом ностальгии: «Реставрация (от *re-staure* – вос–становление) означает возвращение к первоначальному стазису, к догреховному моменту. Про-

шлое для реставрирующих ностальгиков является значимым и настоящим; прошлое – это не отрезок времени, а идеальный снимок» [2, с. 117].

«Жанета» – пример рефлексирующей ностальгии, которая связана с индивидуальной и культурной памятью: «Рефлексирующая ностальгия больше связана с историческим и индивидуальным временем, с невозвратностью прошлого и конечностью человеческого начала. Здесь основное внимание уделяется не восстановлению того, что воспринимается как абсолютная истина, а размышлению об истории и времени» [2, с. 117].

Париж как бы раскидывается перед читателем. В отличие от Москвы, с ее «восстановленной символикой» прошлого времени, Париж описывается больше с географической точки зрения. Конечно, Куприн обращает внимание на нравы города, выстраивая оппозицию горожан по отношению к профессору Симонову в начале произведения или описывая рынки на больших бульварах. Но преимущественно в повести речь идет об улицах (у повести даже есть подзаголовок – «Принцесса четырех улиц»), а еще о Булонском лесе, который примыкает к району, где живет профессор. Париж открывается перед читателем в своем бытии. Главная героиня – жительница улиц, на улице профессор знакомится с ней, наблюдает ее. На улице Симонов придает размышлениям о себе и своем прошлом, принимает какие-то решения. В короткой зарисовке показан район Парижа с его обитателями и их повседневностью.

Ностальгия, прежде всего, проявляется в фигуре профессора, который помещен в контекст городской жизни. Его ритм несопоставим с ритмом жизни парижан. Его жизнь на последнем этаже дома, «под крышей», отсутствие часов и понимание времени с помощью наблюдения за тем, как просыпается Париж, – все это часть рефлексирующей ностальгии, разворачивающейся на улицах Парижа. Здесь ностальгия – проживаемый процесс. Это личная ностальгия героя.

Согласно Бойм, рефлексирующая ностальгия содержит в себе элемент скорби и меланхолии, которые преодолеваются не только размышлениями о своей горькой доле, но и освобождением от стереотипов и игр. Симонов заводит своего рода игру, то наблюдая издалека за девочкой, то иницируя личные дела, из-за которых нужно пройти мимо или подойти к газетному киоску, в котором Жанета проводит много времени у работающей в нем матери, или разыгрывает из себя слепого, чтобы Жанета проводила его домой. А то, взяв в сообщники овернца, работающего на машине, разгружающей мусорные ящики, подбрасывает Жанете «находку» – совершенно новую модную игрушку – ручную собачку [5].

В работе у Бойм есть еще занимательный тезис, который можно соотнести с пространством у Куприна. Исследовательница пишет, что «если реставрирующая ностальгия заканчивается воссозданием символов и ритуалов дома и родины в попытке завоевать и “опространствить время” (spatialize time), то рефлексирующая ностальгия склонна лелеять

разрозненные осколки памяти и “овременять пространство” (temporalize space)» [2, с. 118]. Так и в случае с нашими произведениями. В романе «Юнкера» Куприн описывает пространство Москвы, жизнь и учебу в Александровском училище, чтобы передать атмосферу прошлого времени и рассказать о тех традициях юношества, которые в момент написания произведения утрачены не только в личном, но и в коллективном плане. Автор стремился «опространствить время». В повести «Жанета» пространство города не восстанавливается, а как будто документируется, описывается в настоящем времени. Но прогулки, жизнедеятельность и в целом персона профессора Симонова, а также его дружба с животным и девочкой напоминают о времени [5]. Тем самым Куприн «овременяет пространство» с позиции времени не как эпохи, а как длительности, соотносимой с жизнью. В итоге мы получаем тонкие нюансы, различающие ностальгический характер двух произведений и в то же время констатирующие его.

Ностальгия в настоящее время очень популярный феномен. Создается все больше и больше историй в ностальгическом ключе. Иногда эти истории совершенно не похожи друг на друга, но неизменно вызывают в воспринимающем чувство ностальгии, или с помощью доказательных аргументов определяются исследователями как ностальгические. Ностальгичность произведений Куприна «Жанета» и «Юнкера» считается читателем и отмечается исследователями, но имеет определенно разный характер. Теория Бойм, учитывающая анализ эпохи модерна с его отношением ко времени (к которой стоит отнести творчество Куприна, как минимум в условиях временного периода деятельности), позволяет посмотреть на ностальгию, распадающуюся на время и пространство, более прицельным взглядом. Описание форм ностальгии дает возможность лучше прочувствовать произведение и сделать шаг в дешифровке ностальгического феномена.

Несмотря на то, что теория Бойм возникает гораздо позже произведений Куприна, все-таки кажется, что Куприн чувствовал изменения в восприятии времени, пространства, а следом за ними и ностальгии, в контексте эпохи модерна. Попытки оглянуться назад таких исследователей, как Бойм, чтобы постараться описать происходящие в прошлом процессы, с помощью той же ностальгии, все же позволяют нам по-новому взглянуть на уже известные произведения, да и на то, как ностальгия может быть их сюжетной основой.

Список литературы

1. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
2. Бойм С. Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 680 с.

3. Бойм С. Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: Случай Ильи Кабакова // Новое литературное обозрение. 1999. № 39 (5). С. 90–100.
4. Куприн А.Н. Юнкера. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2015. 320 с.
5. Куприн А.Н. Жанета. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2018. 384 с.
6. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: Владимир Даль, 2004. 624 с.
7. Latour B. We have never been modern. Cambridge: Harvard University Press, 1993. 168 p.

PARIS AND MOSCOW AS SPACES OF NOSTALGIA IN ALEXANDER KUPRIN'S LATE NOVELS

D.O. Patskikh

HSE University, Moscow

The article is aimed at considering time through the concept of nostalgia in the works of A.N. Kuprin. The ability to turn to nostalgia in a conversation about time is explained by a change in this concept in the Modernity period. Nostalgia becomes not only a longing for leaved places, but also a remembrance of past times. With its help, thematic fields of the works «Junkers» and «Jeneta» are considered, which at first glance seem completely different, but have a nostalgic character, longing for the past. Using the theoretical framework proposed by the researcher Svetlana Boym, the features of nostalgia in the novels are analyzed in the context of the described cities, which makes it possible to take a fresh look at the famous works of Kuprin and pay attention to how the author works with category of time.

Keywords: *Kuprin, modern, time, nostalgia.*

Об авторе:

ПАЦКИХ Дарья Олеговна – МА Визуальная культура, независимый исследователь, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики», г. Москва. E-mail: dariapatskikh@gmail.com

Author information:

PATSKIKH Daria Olegovna – MA Visual culture, Independent researcher HSE University, Moscow. E-mail: dariapatskikh@gmail.com